

На улице снег уже закончился.

Прямо перед садом виллы раскинулся большой газон, огороженный заборчиком до пояса, а по деревянной решётке вились засохшие плети роз. С этого места открывался вид на далёкие огоньки городка у подножия горы.

Это был небольшой посёлок на расстоянии от подножия, с немногочисленным постоянным населением, но каждый год здесь устраивали новогодний фейерверк. В канун Нового года множество жителей города приезжали сюда, чтобы посмотреть салют.

Сзади послышался скрип шагов по снегу. Лу Линь повернул голову.

Только перед входом на виллу горела одна лампа, сад был слабо освещён. Янь Хэцин был в пальто, туго укутан шарфом; опустив взгляд, он смотрел под ноги, шагал медленно.

У него скользила обувь.

Когда Янь Хэцин почти подошёл, Лу Линь отвёл взгляд. На перилах забора лежал тонкий слой снега. Он спокойно смахнул его ладонью, весь снег осыпался беззвучно.

Пальцы онемели от холода, он отдёргнул руку.

В этот момент подошёл и Янь Хэцин, но не стал опираться на перила, просто встал рядом с Лу Линем, тихонько выдохнул, слегка повернул голову и с лёгкой улыбкой заговорил: “Господин Лу, вы каждый год здесь смотрите фейерверк?”

“Нет”, — ответил Лу Линь, тоже взглянув на Янь Хэцина. Он был выше его на восемь сантиметров и чуть склонил голову: “Мне это неинтересно. А тебе нравится?”

Ресницы Янь Хэцина дрогнули, в его глазах появилась мягкая улыбка: “Не скажу, что нравится или нет. Просто всё красивое, в любом случае, радует глаз”.

Шарф был натянут до самого кончика носа, скрывая половину лица, оставляя видимыми только ясные, светлые глаза. Лу Линь не отводил взгляда: “Не кажется, что всё это слишком коротко?”

“Понятие “коротко” — это человеческое определение”, — глаза Янь Хэцина изогнулись в ещё более мягкой улыбке: “В сравнении со временем и сама жизнь — лишь мимолётный свет”.

Взгляд Лу Линя потемнел: “Твои ответы каждый раз меня удивляют”.

“Правда? Тогда я рад”, — Янь Хэцин с улыбкой отвернулся, протянул руку и взялся за перила, глядя на огоньки вдали: “Значит, я особенный человек”.

Лу Линь помолчал немного, затем тоже перевёл взгляд в сторону.

Бах!

Вдруг вдали десятки всполохов света взмыли в небо.

Полночь. Новый год наступил.

Салют расцвёл золотыми искрами, подобно цветам, затем, словно золотой дождь, медленно опустился с неба, озаряя всю ночную высь, как величественный, затяжной ливень из золота и света.

Ж-ж-ж.

В кармане одновременно завибрировал телефон.

Каждый год в полночь Лу Линю начинали сыпаться десятки поздравлений. По 99 сообщений в секунду.

А для Янь Хэцина это было впервые.

Он достал телефон. Было несколько сообщений: от управляющего кафе, из детского дома и одно с незнакомого номера.

[Младший Янь, с новым годом, сча...]

Следом пришло ещё одно: [Прости, ошибся. Счастья, с Новым годом!]

Янь Хэцин не стал сразу отвечать и убрал телефон обратно.

Лу Линь тоже не смотрел сообщения. Как вдруг зазвонил телефон.

Он достал его. Звонил Се Юньцзе.

Лу Линь всё ещё боковым взглядом следил за Янь Хэцином: юноша сосредоточенно смотрел на фейерверк. Отсветы огня на его лице создавали тонкое мягкое свечение.

Лу Линь не заметил, как первый звонок сбросился, и на его место пришёл новый. Он смахнул по экрану и ответил: “Что случилось?”

“!” — Линь Фэнчжи подскочил с кровати, как ошпаренный.

До полуночи оставалось совсем немного, он сослался на боль в животе и сбежал к себе, чтобы первым позвонить Лу Линю с новогодним поздравлением. Он и не надеялся каждый раз, когда отправлял Лу Линю сообщения: те словно в бездну исчезали, ни ответа, ни реакции. Но на этот раз... он ответил! Дядя Лу взял трубку!

Линь Фэнчжи даже расслышал фейерверки по ту сторону телефона.

Дядя Лу смотрит салют?..

У Линей тоже запускали фейерверки во дворе. Как раз под окнами Линь Фэнчжи.

Он зажал ладонью трубку, не в силах сдержать радость, радостно воскликнул несколько раз, босиком подбежал к панорамному окну, отдёрнул шторы и с восторгом уставился на россыпь фейерверков за стеклом.

Если округлить... то это ведь значит, что он смотрел салют и болтал с дядей Лу вместе!

Линь Фэнчжи прижал ладонь к бурно колотящемуся сердцу, несколько раз глубоко вдохнул и наконец убрал руку от трубки, уголки губ взлетели вверх: “Дядя Лу — это мой...”

Ту-ту-ту...

Лу Линь уже повесил трубку.

“...”

Улыбка Линь Фэнчжи застыла.

“Что за..!”

Он тут же перезвонил, но линия всё время была занята. Кто-то другой продолжал звонить Лу Линю.

Линь Фэнчжи вынужден был сдаться.

Он сник, бросил телефон, раздражённо пнул в воздух, но, взглянув на красочный фейерверк за окном, снова оживился.

Первый новогодний звонок — и дядя Лу его принял!

Щёки пылали от жара, он сложил ладони, будто молясь, и, глядя на фейерверк, искренне загадал: “Пусть в следующий Новый год я и дядя Лу будем вместе, только мы двое, в любом месте, смотреть салют... вдвоём!”

*

Тот, кто звонил, не сказал ни слова, и Лу Линь сразу сбросил вызов. Когда он посмотрел на экран и увидел незнакомый номер, явно не Се Юньцзе, то тут же добавил его в чёрный список. Перевёл телефон в беззвучный режим и убрал обратно в карман.

В этот момент рядом раздался голос Янь Хэцина: “Господин Лу”.

Лу Линь повернулся. Прямо перед ним оказалась крошечная вазочка с полупрозрачным, словно вырезанным из нефрита растением, напоминающим цветок лотоса.

Янь Хэцин держал миниатюрный горшочек одной рукой.

Шарф он уже спустил к шее, и теперь было видно всё лицо. В зрачках отражались вспышки салюта.

Когда Лу Линь взглянул на него, на губах юноши расцвела тёплая улыбка:

“С Новым годом”.

Зрачки Лу Линя резко сузились, кадык заметно дёрнулся. Через мгновение он принял горшочек: “Похоже на лотос. Как называется?”

“Нефритовая роса”, — с улыбкой ответил Янь Хэцин: “Поливать нужно один раз в восемьдесят дней. Держать в прохладном, проветриваемом месте. Ни в коем случае не ставить под палящее солнце и не поливать дождевой водой”.

К этому времени фейерверк подходил к концу. Десять минут огненного сияния в небе вскоре сменились тишиной.

Янь Хэцин немного потянулся, собираясь с пустым бумажным пакетом вернуться в дом.

Что-то преградило ему путь.

В слабом, рассеянном свете он разглядел — это был, кажется, конверт.

Присмотревшись внимательнее — хунбао, красный конверт.

Тот самый, что остался у Лу Линя дома в прошлый раз?

Янь Хэцин не взял его:

“Господин Лу...”

“Это новогодний хунбао для тебя”, — Лу Линь смотрел на него пристально: “Немного. Просто на удачу”.

Только тогда Янь Хэцин принял конверт, убрал его в карман и, подняв голову, с лёгкой улыбкой, с загнутыми уголками глаз, сказал: “Спасибо, господин Лу. Это мой первый хунбао”.

*

Слуги уже подготовили для него комнату для гостей на втором этаже.

Она была не очень большая, но уютно обставленная, с ощущением домашнего уюта. Главное, там была книжная стена из натурального дерева, от пола до потолка, вся заставленная книгами.

Даже при беглом взгляде Янь Хэцин заметил множество раритетных и давно снятых с печати изданий.

Он не стал трогать книги, лишь молча некоторое время разглядывал названия, а потом пошёл в ванную.

Собираясь принять душ, он стал раздеваться и, дотронувшись до кармана брюк, нащупал тот самый хунбао.

Когда он снимал пальто внизу, то переложил его из верхней одежды в карман брюк.

Хунбао, подготовленный Лу Линем, был примерно таким же, как тот, который Янь Хэцин покупал сам, самый обычный вариант.

Он открыл конверт и достал не особенно толстую пачку купюр.

Как и говорил Лу Линь: немного, просто символически, 888 юаней, все новенькие банкноты.

Янь Хэцин поднёс их ближе, вдохнул: от них пахло свежей типографской краской. Аромат был особенный, очень приятный.

Через несколько стен Лу Линь сидел за письменным столом. В комнате горела только настольная лампа, её тёплый оранжевый свет ложился на лепестки цветка в горшке. Его длинные пальцы медленно поворачивали горшочек.

Спустя долгое время Лу Линь поставил растение на место, отодвинул стул, встал и направился в ванную.

Тёплая вода струилась сверху. В голове всплыл образ улыбающегося юноши.

И его слова: “С Новым годом”.

Лу Линь закрыл глаза. Горячая вода стекала по резко очерченному кадыку. И, как вздох, с его губ беззвучно сорвались слова: “И тебе тоже, Янь Хэцин”.

*

Ночь прошла без сновидений. Янь Хэцин проснулся, заметив свет, просачивающийся сквозь щель в занавесках. Он потянулся за телефоном. Уже восемь утра. Первый раз он проспал так долго.

На телефоне было два пропущенных звонка.

Один две минуты назад, второй совсем недавно.

И в следующую секунду снова зазвонил Лу Мучи.

Лу Мучи накануне вечером участвовал в карточной игре, которая на самом деле была устроена как свидание вслепую. Настроения у него не было, но собеседница, наоборот, проявила к нему интерес: постоянно пыталась с ним говорить и наливала.

Каждый год ровно в полночь он первым делом звонил Линь Фэнчжи с новогодним поздравлением.

А в этом году всё пропустил. Напился, вернулся домой, отрубился и только сейчас проснулся.

Первое, что он сделал — позвонил.

Но не Линь Фэнчжи, а Янь Хэцину.

При звуке длинных гудков у него тяжело вздымалась грудная клетка.

С самого вчерашнего вечера он жаждал услышать голос Янь Хэцина.

Но гудки закончились, а трубку так и не взяли.

Лицо Лу Мучи помрачнело, он уже хотел попробовать снова, как вдруг пришёл другой вызов от управляющего загородной виллой.

Глаза Лу Мучи потемнели, он ответил: “Говори”.

“Молодой господин, если у вас есть возможность, пожалуйста, заедьте. Госпожа снова отказывается есть”, — пожаловался управляющий: “Мы испробовали всё. Утром она даже на мгновение потеряла сознание. Мы ей поставили питательную капельницу, но больше ничего не можем сделать...”

Лу Мучи скинул с себя одеяло, вскочил с кровати и быстрым шагом направился к выходу: “Присмотрите за ней. Я сейчас приеду”.

*

Когда Янь Хэцин вышел из ванной после умывания, телефон уже молчал.

Было как раз подходящее время, и он начал отвечать на новогодние сообщения всем, кроме Лу Мучи.

Затем позвонил старому господину Фан. Это был тот самый дедушка, который когда-то научил его рыбачить.

Получив новогодний звонок, старик был в полном восторге: “Спасибо, спасибо! С Новым годом, парень!”

Янь Хэцин улыбнулся: “И вас с Новым годом. Пусть в этом году рыбалка будет всегда удачной”.

Эта фраза была любимой присказкой старика: “Никогда не возвращаться с пустыми руками! Всегда с уловом!”

Старик Фан тут же расхохотался: “Ха-ха! Да будут твои слова пророческими! Когда потеплеет, обязательно поедem снова. Этой зимой было слишком холодно, семья меня из дома не пускала. Рыбалкой и не пахло, с ума можно сойти! Как найдёшь новое место — сразу мне сообщи!”

Янь Хэцин на всё с готовностью ответил, и только после ещё пары фраз старик Фан повесил трубку.

Он убрал телефон обратно в карман брюк, открыл дверь и спустился вниз.

В коридоре стояла тишина. Один из слуг упоминал, что комната Лу Линя тоже на втором этаже. Янь Хэцин мельком глянул вперёд, но беззвучно пошёл вниз.

В Новый год слугам не нужно вставать рано, и на первом этаже тоже было тихо. Казалось, никто ещё не проснулся.

Янь Хэцин вошёл в гостиную, его взгляд скользнул по стеклянным дверям во всю стену, и только тогда он заметил Лу Чжичань.

Она была одна в саду.

Немного помедлив, Янь Хэцин подошёл к стеклянной двери и тихо открыл её.

Стоило ему распахнуть дверь, как он тут же застыл на месте.

На мгновение он оцепенел.

Лу Чжичань пела:

“Сине-серые кирпичи, крыша под лаком.

Белый конь ступает по свежей грязи.

Цветы горных склонов, листья банановой пальмы.

В вечернем тумане окрашивают красные платки.

С капель срывается дождь.

Клубится дымок очага.

Где ты теперь — тот, что некогда был рядом во всех скитаниях.

Ищу и не нахожу.

Остывший и одинокий.

Луна садится, ворон кричит.

А в колодце отражается серп луны”.

Голос у неё был мягкий и тёплый, напев звучал плавно и мелодично, будто журчащий ручей, тихо текущий сквозь весну.

Мелодия постепенно слилась с воспоминаниями, когда-то хранившимися в уголке сознания.

Воспоминания, поблёкшие от времени, вдруг ожили.

Янь Хэцин вспомнил следующие строчки: “Крупницы, обрывки,

капли и тени.

Во сне — цветы.

Во сне — зелёные луга.

Длинные волосы рождают рябь на воде.

Белое полотнище — на прибрежном утёсе.

Водяной паренёк держит шест,

перевозит старца через воды.

С капель срывается дождь.

Клубится дымок очага.

Где ты теперь — тот, что некогда был рядом во всех скитаниях”.

“Малыш”, — обнимала его Янь Цюшуан, нежно целуя в щёку: “Это называется пинтань. Когда ты с братом чуть подрастёте, мама с папой отвезут вас на родину послушать настоящий пинтань”. (Пинтань — традиционное китайское повествование с пением под аккомпанемент струнных инструментов, распространённое на юге Китая, особенно в районе Сучжоу и Шанхая.)

Вот только он так и не успел вырасти.

А у них больше не было времени. Отвезти его на родину, напоить мятным зелёным отваром и послушать настоящие старинные напевы.

Янь Хэцин тихо смотрел на спину Лу Чжичань.

Прошло довольно много времени, прежде чем она заметила его.

Обернувшись и увидев, кто стоит у двери, она удивилась: “Так рано встал? В праздник можно было бы и подольше поспать, отдохнуть”.

Янь Хэцин подошёл ближе, присел рядом с инвалидной коляской, легко положил руку на её подлокотник и, чуть приподняв голову, мягко сказал: “Я не хочу спать. У вас очень красивый пинтань”.

На бледном лице Лу Чжичань выступил лёгкий румянец: “Ты слышал, да? Это бабушка А Линя меня научила. Она-то пела по-настоящему красиво...”

Лу Чжичань на мгновение погрузилась в воспоминания. Очнувшись, снова встретилась с Янь Хэцином взглядом, а он всё так же смотрел на неё с доброй, чуть прищуренной улыбкой. Её сердце наполнилось теплом. Она медленно потянулась к карману, достала оттуда красный конверт и вложила его в руку Янь Хэцина.

“С Новым годом. Отказы не принимаются”, — она ласково улыбнулась: “Это деньги на удачу в новом году. У А Линя тоже есть”.

Янь Хэцин только собрался ответить, как его телефон снова зазвонил.

На этот раз звонил Линь Фэнчжи.

С утра, когда он спустился вниз, мама Линь вновь завела разговор о его приглашении: во второй день Нового года они хотели пригласить Янь Хэцина к себе домой.

“На третий день поедem к твоей сестре, младшей Вэй, а потом у отца с братом начнутся деловые встречи”, — мягко сказала мать Линь: “В первый день вы, молодёжь, гуляете, а вот

второй как раз подходит”.

Неожиданно для всех Линь Фэнчжи с радостью согласился: “Конечно!”

Ведь накануне вечером Лу Линь ответил на его звонок, и настроение у него было просто великолепным. Теперь он был согласен не просто пригласить Янь Хэцина, но и предложить ему жить в их доме, если понадобится!

Связь установилась, и голос Линь Фэнчжи звучал радостно: “Брат, завтра приходи ко мне домой на обед!”

<http://bllate.org/book/15726/1407461>